

Глава 38. Разборки в мире сяньшэн (V)

Один из южных городов.

В обветшалом жилом квартале, среди тесных многоэтажек старой постройки, мужчина лет пятидесяти возвращался домой после службы. Он едва успел переступить порог и еще не успел отложить в сторону тяжелый портфель, как в кармане настойчиво затрезвонил телефон. Номер был незнакомым.

На том конце провода раздался звонкий голос молодой женщины:

— Здравствуйте! Вас беспокоит репортер «Газеты Южной столицы». Могу я услышать сына господина Цзинь Личжуна?

Хозяин дома нахмурился. Лицо его на миг окаменело.

— Вы ошиблись номером, — коротко бросил он и тут же оборвал связь.

Из кухни вышла женщина средних лет, неся в руках тарелку с горячим блюдом.

— Кто звонил? — поинтересовалась она. — Да не стой ты в дверях, мой руки и за стол, всё остынет.

Мужчина проигнорировал вопрос. Молча оставив портфель на тумбе, он скрылся в ванной, чтобы умыться и сменить одежду.

За ужином он не проронил ни слова ни о странном звонке, ни о своем отце. Конечно, он знал о шуме в сети — об этой затянувшейся войне между Залом Льва и Тигра и двумя дерзкими юнцами. Он молча следил за новостями, читал комментарии, но выходить из тени не собирался.

Десятилетия назад его отец покинул Зал Льва и Тигра. Официально — из-за «расхождения во взглядах», после чего перевез всю семью на юг, подальше от столичных интриг. И хотя Цзинь Личжун формально порвал с прошлым, в каждом его вздохе, в каждой случайной фразе сын чувствовал неугасающую тоску по сцене и старым товарищам.

Он знал правду: его отец был тем самым «помощником», который когда-то помог Юй Либо оклеветать соратника.

Перед самой смертью, несколько лет назад, отец подозвал его к кровати и дрожащими руками передал покаянное письмо. В нем он излил всё, что десятилетиями грызло его изнутри. Тот последний вздох облегчения, с которым старик отдал бумаги, казался мужчине освобождением

души от непосильного гнета.

Отец не хотел этого делать, но узы дружбы с Юй Либо оказались крепче голоса совести.

Покончив с ужином, мужчина заперся в кабинете. Он достал пожелтевший конверт с покаянием, долго смотрел на него, а затем... убрал обратно в самый дальний ящик.

«Нет, я не стану об этом думать», — решил он.

Письмо останется под замком. Ему хотелось лишь спокойной жизни, и меньше всего на свете он желал, чтобы имя его покойного отца теперь смешивали с грязью на потеху публике.

***

Пока одни прятались от прошлого, остальные жили настоящим. Внимание интернета было приковано к небывалой по размаху битве диссов. Зрители с азартом ждали: какими еще колкостями одарят друг друга противники?

Сюжет повторялся изо дня в день: как только Ту Синьда из Зала Льва и Тигра выкрикивал со сцены, что их наставник был бесчестным человеком, тем же вечером Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян в ответ «палили из всех орудий». Они не мелочились и в своих номерах поливали помоями сразу весь состав Зала Льва и Тигра, не оставляя камня на камне от их репутации.

В разгар этой словесной дуэли посещаемость Зала Льва и Тигра и ночного клуба «Остров Золота» росла по экспоненте. Любители поглазеть на чужой скандал не жалели ни времени, ни денег. Залы были забиты до отказа, а в сеть ежеминутно утекали записи новых номеров — фанаты вели прямые репортажи прямо с «поля боя».

Градус напряжения зашкаливал. Некоторые пользователи даже взмолились в комментариях:

«Да запустите вы уже стрим! Я разорюсь на входных билетах в "Сад Цинь" и "Остров Золота"!»

«Ха-ха! Ну ты и буржуй — ходить на живые выступления!»

«Живьем интереснее! Никогда не знаешь, какую гадость они выкинут в следующую секунду. Всем советую!»

Благодаря этой взаимной ненависти доходы Зала Льва и Тигра взлетели до небес. Клуб «Остров Золота» тоже процветал: и банный комплекс, и ночная зона ежедневно принимали толпы новых клиентов.

Ху Чжунфа, будучи владельцем, поначалу радовался прибыли, но в глубине души за парней переживал. Всё-таки им еще жить и строить карьеру. Впрочем, поразмыслив, он успокоился. В конце концов, у них есть он, есть Ду Шаоюань и его влиятельные друзья. Тот же Тан Цзюнь владеет развлекательной империей — если со сценой сяньшэн не выгорит, пойдут в звезды шоу-бизнеса! Лица-то у парней — загляденье.

С легким сердцем Ху Чжунфа перестал читать нотации и теперь просто с улыбкой сидел в вип-ложе своего клуба, слушая, как Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян виртуозно разносят оппонентов.

***

Тем временем на третьем этаже театра «Зал Счастья и Праздника» — цитадели Зала Счастья и Праздника — царило мрачное оживление. Ли Чэньюй, нынешний глава и представитель поколения «Чэнь», созвал экстренное совещание.

В зале собрались все ключевые фигуры: Сю Фунин, любимец публики Цяо Хуаянь, его напарник Хань Хаочунь, а также Чжао Юэчэн, Чэнь Юаньюань и другие ведущие ученики. Конференц-зал площадью шестьдесят квадратов был набит людьми до отказа.

— Я собрал вас здесь по одной причине, — начал Ли Чэньюй.

Он стоял во главе стола, обводя присутствующих строгим взглядом. Несмотря на свой обычно мягкий и интеллигентный вид, годы руководства огромным коллективом придали ему властности истинного гендиректора. Когда он говорил, никто не смел перебивать.

— Война между Залом Льва и Тигра и этими двумя наглецами нас не касается. «Зал Счастья и Праздника» не должен во все это вмешиваться. Никаких комментариев, никаких постов в соцсетях. Я уже предупреждал в чате, но повторю лично: мне нужно, чтобы вы осознали всю серьезность ситуации.

Ли Чэньюй замолчал, и тут же Цяо Хуаянь, поправив прическу, вскинул руку:

— Старший брат, а те слухи... это правда? Неужели их учитель и впрямь залез в постель к жене собственного наставника?

У всех присутствующих глаза загорелись любопытством. Скандал гремел на всю страну, и хотя как профессионалы они держали лицо, человеческое любопытство брало верх. Всем хотелось услышать подтверждение из первых уст.

Ли Чэньюй на мгновение замялся, глядя на эти жаждающие сплетен лица, но всё же вздохнул и ответил:

— Я спрашивал у отца. Это правда.

По залу пронесся гул. Ли Цзихай, старый глава школы и живая легенда жанра, слов на ветер не бросал. Если он подтвердил — значит, так оно и было.

— Тише! Послушайте меня! — прикрикнул Ли Чэнюй, возвращая внимание аудитории. — Факт измены подтвержден. Но Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян утверждают, что их учителя подставили. Доказательств этому нет. Как бы то ни было, это их семейные дрызги. Нас они не касаются. Тема закрыта.

— Слушаемся, наставник! — хором ответили ученики.

Убедившись, что дисциплина восстановлена, Ли Чэнюй сменил тему:

— По моим данным, в следующем году планируется масштабный конкурс сяньшэн. Подумайте, кто готов выставить свою кандидатуру. Жду ваших предложений.

При упоминании конкурса глаза у многих заблестели — это был кратчайший путь к славе. Однако взгляды большинства тут же обратились к Цяо Хуаяню. Он был нынешним фаворитом, и если кто и должен был представлять школу, то именно он.

Цяо Хуаянь лишь небрежно махнул рукой:

— Подумаешь, конкурс. Мне всё равно, идти или нет.

Сидящий рядом Хань Хаочунь опустил голову, пряча усмешку.

«Ох и лицемер, — подумал он. — Спит и видит себя на пьедестале».

— Ладно, это решим позже. Я просто хотел, чтобы вы начали готовиться морально, — Ли Чэнюй повернулся к седовласому Сю Фунину. — Раз уж мы все здесь, господин Сю, разберите, пожалуйста, ошибки последних выступлений наших младших.

Под аплодисменты Сю Фунин начал подробно объяснять тонкости мастерства, указывая на недочеты и делясь профессиональными секретами.

***

Война между Залом Льва и Тигра и дуэтом «Тётушки и Дядюшки» продолжалась без намека на перемирие. Противники обменивались ударами, и ярость их только крепла.

Однако у этого конфликта обнаружился побочный эффект. Огромная часть публики, жаждущая зрелищ, перекочевала в «Сад Цинь» и «Остров Золота». Зал «Счастья и

Праздника», всегда привыкший к аншлагам, внезапно столкнулся с пугающей пустотой.

В сумерках огни трехэтажного Зала Счастья и Праздника сияли всё так же ярко и празднично. За кулисами Цяо Хуаянь уже заканчивал подготовку. Он сидел перед зеркалом в нижнем сценическом костюме, тщательно поправляя грим. Сегодня ему предстояло исполнить классику пекинской оперы — партию легендарной воительницы в постановке «Му Гэйин принимает командование».

Внезапно в гримерку ворвался молодой ученик. Лицо его было бледным, в глазах читался ужас.

— Беда! — закричал он. — Зрители уходят!

— Что?! — Цяо Хуаянь вскочил, картинно вытянув руку вперед в классическом жесте «пальцы-орхидеи». — Да как они смеют? Мой выход следующий!

От возмущения в его голосе прорезались певучие интонации театрального амплуа.

Хань Хаочунь и остальные ученики застыли в оцепенении. Со дня открытия «Зала Счастья и Праздника» здесь не случилось ничего подобного.

— Пойду гляну, — бросил Цяо Хуаянь, отбросив театральные манеры.

Сгорая от негодования, он выскочил из гримерки. Хань Хаочунь и толпа последователей двинулись следом. Они осторожно заглянули за край кулисы.

Картина была удручающей. Недавно полный зал зиял дырами. Последние ряды практически опустели — люди уходили целыми группами, оставляя после себя ряды пустых кресел.

— В чем причина?! — прошипел Цяо Хуаянь, сжимая кулаки.

Тот самый ученик, что принес весть, заикаясь, ответил:

— Я... я слышал, как они говорили. Сказали, что пора бежать, чтобы успеть на выступление «Тётушки» и «Дядюшки».

Тётушка и Ифу?

Все замерли. Это же прозвища Цинь Юэцзина и Цзян Чэньяна.

Хань Хаочунь мгновенно схватил Цяо Хуаяня за руку, опасаясь вспышки ярости. Он знал,

насколько болезненно его партнер воспринимает любые удары по самолюбию. А этот массовый исход зрителей был не просто обидой — это была звонкая пощечина в прямом эфире.

К его удивлению, Цяо Хуаянь не стал кричать. Он грубо вырвал руку и молча вернулся в гримерку.

Сев перед зеркалом, он уставился на свое отражение. Хань Хаочунь поспешил за ним, пытаясь подобрать слова утешения:

— Не принимай близко к сердцу. Им просто хочется скандалов. Через пару дней всё утихнет, и ты снова будешь единственной звездой.

Цяо Хуаянь едва заметно усмехнулся. Медленно, пугающе медленно он расплылся в широкой ухмылке, которая переросла в громкий, залиvistый смех.

Ученики, вернувшиеся за кулисы, вздрогнули. В этом смехе не было радости — только ледяная решимость. Всем стало не по себе.

Хань Хаочуню этот смех тоже не понравился. Почувствовав неладное, он наклонился к другу и прошептал:

— Вспомни, что сказал старший брат! Мы не должны в это ввязываться!

Цяо Хуаянь резко оборвал смех. Он ничего не ответил, лишь смерил Ханя странным взглядом.

Этого взгляда было достаточно. Хань Хаочунь, знавший друга с самого детства, понял всё без слов. Но прежде чем он успел возразить, Цяо Хуаянь поднялся и властным жестом подозвал помощников. Он приказал надевать тяжелые доспехи и крепить за спиной четыре боевых знамени.

Образ Му Гэйин был завершен. Перед ними стояла великая воительница, готовая к бою.

Цяо Хуаянь решительно направился к сцене. Он не произнес ни слова.

Хань Хаочунь смотрел ему вслед, поправляя очки.

«Ну что же, — подумал он. — Похоже, теперь станет еще жарче».